

Малявина Людмила Сергеевна

ОРГАНИЗАЦИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ НА СОВЕТСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 1920-1930-Е ГГ.

В статье рассматривается процесс формирования сети региональных научных учреждений советского Дальнего Востока в 1920-е гг., отслеживается динамика ее изменений под влиянием государственной политики "отраслирования" науки (1930-е гг.). Выделены приоритетные направления научно-исследовательской работы, отмечена их взаимосвязь с задачами экономического освоения региона и вклад научных коллективов в их решение.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/5-3/28.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11): в 4-х ч. Ч. III. С. 103-109. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/5-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

ее фольклоре. При этом «иное», «чужое» не является объектом отторжения, как в традиционной культуре, фольклор ролевой субкультуры демонстрирует ее толерантность. Превалирование иронических мотивов и форм в фольклоре вызвано, во-первых, тем, что они актуализируются преимущественно в игровой ситуации (или в ситуации, тесно связанной с игровой). Во-вторых, это объясняется возрастными психологическими особенностями большинства носителей субкультуры, для которых ирония – ведущий метод культурного творчества и «отстранения» от доминирующей культуры. В-третьих, иронический метод объяснения истины является наиболее доходчивым в силу психологической «экономности» и большой доли самостоятельности в оценке материала, что было оценено по достоинству и использовано уже античными философами. Поэтому большинство фольклорных форм ролевой субкультуры содержит элемент иронии как необходимый.

Список литературы

1. **Каган М. С.** Воспроизводство российской интеллигенции как педагогическая проблема [Электронный ресурс]. URL: <http://anthropology.ru/ru/index.html> (дата обращения: 14.08.2009).
2. **Каган М. С.** Вступительный доклад «Анекдот как феномен культуры» [Электронный ресурс] // Анекдот как феномен культуры: материалы круглого стола 16.11.2002. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. 148 с. URL: http://anthropology.ru/ru/texts/kagan/aneecdote_01.html (дата обращения: 31.03. 2011).
3. **Каган М. С.** Заключительное слово [Электронный ресурс] // Там же. URL: http://anthropology.ru/ru/texts/kagan/aneecdote_06.html (дата обращения: 31.03. 2011).
4. **Керимов Т. Х.** Социальная гетерология: материалы к спец. курсу [Электронный ресурс]. Екатеринбург: Урал-НАУКА, 1999. 170 с. URL: http://www2.usu.ru/soc_phil/rus/annotations/socheter.html (дата обращения: 06.11. 2009).
5. **Лосинская А. Ю.** Основания изучения субкультуры // Наука. Философия. Общество: материалы V Рос. филос. конгресса. Новосибирск: Параллель, 2009. Т. II. С. 302.
6. **Сурова Е. Э.** По-ту-да абсурдность [Электронный ресурс] // Анекдот как феномен культуры: материалы круглого стола 16.11.2002. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. 148 с. URL: http://anthropology.ru/ru/texts/kagan/aneecdote_03.html (дата обращения: 31.03. 2011).
7. **Тихомиров С. А.** Фольклор современной городской молодежи: аксиологический аспект [Электронный ресурс]: автореф. дисс. ... канд. культурологии. СПб., 2009. URL: <http://base.spbric.org/main/person/762> (дата обращения: 05.06. 2010).
8. **Чистов К. В.** Фольклор [Электронный ресурс] // Культурология. XX век: энциклопедия: в 2-х т. / глав. ред. и сост. С. Я. Левит. СПб.: Университетская книга, 1998. URL: <http://psylib.org.ua/books/levit01/txt107.htm> (дата обращения: 23.02. 2011).

FOLKLORE FORMS IN ROLE SUB-CULTURE: IRONICAL AND EXORBITANT

Anna Yur'evna Losinskaya

Department of Culturology

Tyumen' State Academy of Culture, Arts and Social Technologies

annal_72@mail.ru

The author analyzes the folklore of one of modern urban sub-cultures and considers its peculiarities connected with play basis in sub-culture, secondary worlds creativity and reconsideration of primary (ethnic) folklore forms.

Key words and phrases: sub-culture artifacts; anecdote; story; proverb; saying; folklore; network way of folklore existence.

УДК 001(47+57)(571.6)

В статье рассматривается процесс формирования сети региональных научных учреждений советского Дальнего Востока в 1920-е гг., отслеживается динамика ее изменений под влиянием государственной политики «отраслирования» науки (1930-е гг.). Выделены приоритетные направления научно-исследовательской работы, отмечена их взаимосвязь с задачами экономического освоения региона и вклад научных коллективов в их решение.

Ключевые слова и фразы: Дальний Восток; наука; научно-исследовательская работа; научные учреждения; история.

Людмила Сергеевна Малявина, к.и.н., доцент

Кафедра политической истории

Дальневосточный государственный гуманитарный университет, г. Хабаровск

Ligor6@mail.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ НА СОВЕТСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 1920-1930-Е ГГ. ©

Предвоенный Дальний Восток в восприятии многих людей часто представляется «научной периферией» России, регионом с низким уровнем развития научно-образовательной сферы, который смог вписаться в научное пространство страны лишь после окончания Великой Отечественной войны. Такая оценка не учитывает

специфики развития дальневосточных территорий, являвшихся в 1920–1930-е гг. районами интенсивного хозяйственного освоения, и той большой роли, которую сыграла региональная наука в изучении их природных ресурсов и определении способов использования. Необходимость пересмотреть устоявшуюся точку зрения о научной инертности региона в довоенный период определила цель данной статьи: показать, в каких организационных формах развивалась дальневосточная наука в 1920–1930-е гг.; выделить ведущие направления работы научных учреждений, отразить их вклад в развитие знаний о регионе и развитие его экономики.

Следует отметить, что благодаря своему природно-климатическому своеобразию и богатству сырьевых ресурсов Дальний Восток постоянно, начиная с XVII в. со времен его первооткрывателей (И. Москвитина, В. Пояркова, С. Дежнева, Е. Хабаровова и др.), привлекал к себе внимание исследователей. В дореволюционный период его изучение велось, как правило, специально организованными экспедициями, работавшими по заказу различных ведомств и организаций, научных обществ, Российской Академии наук. Первые попытки создания постоянных исследовательских учреждений, сориентированных на изучение региональных проблем, возникавших в ходе его хозяйственного освоения, были предприняты в 1880-1890-е гг., после образования самостоятельного в плане административного управления Приамурского генерал-губернаторства (1884 г.). Процесс их организации продолжался вплоть до 1917 г. и не был прерван даже в период Гражданской войны (1918-1922 гг.). Последнему обстоятельству, весьма нетипичному для большей части России, способствовал приток в регион вместе с волной беженцев части научной интеллигенции из западных областей России. Столкнувшись с необходимостью найти работу, новоприбывшая профессура вынуждена была активно заниматься организацией частных вузов, научных организаций или объединяться «по интересам» в различные научные сообщества. Как результат, Советская власть, окончательно установившаяся на территории региона только в конце 1922 г., получила от предшествующих правительств немногочисленную, но разнообразную по профилю деятельности группу научных учреждений, куда входили научные общества, опытные поля, медико-биологические лаборатории, учреждения метеослужбы, вузы и ряд других научных структур. Практически все организации к концу Гражданской войны находились без финансирования, с разрушенной материальной базой. Их бедственное положение позволило новой власти в лице Дальневосточного революционного комитета (Дальревком), приступившего к своей деятельности 15 ноября 1922 г., не применять к научному сообществу жестких мер. Повышенное внимание было проявлено лишь к высшей школе. К началу «советизации» (осень 1922 г.) она была представлена четырьмя вузами, начавшими работу в 1918-1920 гг. Три из них (Государственный университет (ГДУ), политехнический и педагогический институты) к этому времени находились во Владивостоке – столице российского Приморья; один вуз – Институт народного образования (ИНО), организованный правительством Дальневосточной республики, располагался в Чите. Уже 6 декабря 1922 г. постановлением Дальревкома ко всем вузам было применено действие Положения о высших учебных заведениях РСФСР (1921 г.), первого советского вузовского устава [9, д. 10, л. 105-108]. На его основе в 1923 г. было проведено реформирование вузовской сети, завершившееся объединением всех четырех институтов в единый вуз – Государственный Дальневосточный университет (Владивосток), в котором после «ревизии» профессорско-преподавательского состава были оставлены 95 (из прежних 129) научных сотрудников [5, д. 209, л. 28]. В отношении других научных организаций действия местных органов власти носили не такой радикальный характер и были направлены на сохранение основного потенциала региональной науки и привлечение ученых к решению новых хозяйственных и социально-культурных задач. Эту тенденцию можно проследить по содержанию распоряжений и отчетов Дальревкома за 1923–1926 гг. [1; 22]. Так, уже в первые два года после начала советизации финансовую поддержку государства получили дальневосточные отделения Русского Географического общества (старейшие научные учреждения региона). В 1923–1924 гг. по представлению Дальневосточного отдела народного образования коллегией Наркомпроса РСФСР все четыре отделения (в Хабаровске, Владивостоке, Чите и Никольск-Уссурийске), вместе с существовавшими ранее на их содержании музеями, были включены в сеть учреждений Главнауки Наркомпроса РСФСР [6, д. 98, л. 7, 56]. На государственный бюджет была принята Владивостокская метеорологическая обсерватория, которая была создана в 1913 г. как филиал петербургской Главной геофизической обсерватории, но во время Гражданской войны прервала свои исследования [7, д. 353, л. 116]. Статус государственного учреждения – филиала единой геологической службы РСФСР получил Дальневосточный геологический комитет (Дальгеолком), организованный в мае 1920 г. во Владивостоке группой сибирских, уральских и дальневосточных геологов и более двух лет существовавший на положении нефинансируемой общественной организации [9, д. 44, л. 105]. Для оказания агрономической помощи сельскому хозяйству в 1924-1925 гг. по плану, разработанному Дальневосточным экономическим совещанием (ДальЭКОСО), была проведена реорганизация опытного дела. До революции оно не было централизовано и проводилось на базе опытных полей (Хабаровское, Амурское, Пиканское, Никольск-Уссурийское, Бирское, Петропавловское, Тымовское и пр.), имевших непродолжительный опыт работы и содержавшихся на средства различных ведомств или научных обществ. После реформы вся опытно-агрономическая работа была сконцентрирована в трех губернских сельскохозяйственных опытных станциях (СХОС): Амурской и Приморской (обе были образованы в 1925 г.) и Забайкальской (1926 г.), переданных в ведение Бюро опытного дела Дальневосточного краевого управления Наркомата земледелия РСФСР (ДалькрайЗУ). Помимо СХОС, в систему ДалькрайЗУ были переданы еще два профильных научных учреждения: областная станция защиты растений (была образована в 1924 г. в Хабаровске) и Институт экспериментальной ветеринарии (ИЭВ – Чита), созданный правительством Дальневосточной республики на базе Читинской противочумной ветеринарной станции (начала работу в 1899 г.) [22, с. 102-103]. В рамках реализации декрета СНК «Об организации метеорологической

службы в РСФСР» (21 июня 1921 г.) фактически заново региональной власти пришлось организовывать работу метеорологической сети, наиболее пострадавшей от разрушений в период Гражданской войны. В 1925 г. для руководства ею в г. Благовещенске на базе Амурского метеорологического бюро (одного из ведущих метеорологических учреждений дореволюционного периода, образованного в 1912 г.) была создана Дальневосточная геофизическая обсерватория. Через год она была переведена во Владивосток и стала новым региональным центром работ в области изучения метеорологии и климатологии.

Быстрыми темпами в 1920-е гг. шло организационное оформление отраслевой (ведомственной) науки. Движущими силами этого процесса выступали крупнейшие наркоматы и ведомства, причастные по роду своей деятельности к освоению дальневосточных территорий. Свою дореволюционную ведомственную сеть на Дальнем Востоке, в частности, смогло восстановить Гидрографическое Управление СССР, преемник работ Главного Гидрографического управления Морского ведомства, осуществлявшего с 1880 г. гидрографические исследования в дальневосточных водах. С 1923 г. во главе сети было поставлено Управление по обеспечению безопасности кораблевождения на Дальнем Востоке (Убекодалвост, УБЕКО - Владивосток), в ведение которого отошли все организации, ранее занимавшиеся морскими гидрографическими и гидрометеорологическими исследованиями. Там же, во Владивостоке, в 1926 г. при возобновлении деятельности Центрального управления морского транспорта (ЦУМОП) Наркомата путей сообщения было создано Управление портовых изысканий на Тихом океане (УПИТО), которое должно было заниматься обследованием береговой линии дальневосточных морей и работами по проектированию и реконструкции местных портов [19, с. 164, 487]. С созданием в Хабаровске в октябре 1925 г. Дальневосточного санитарно-бактериологического института (Санбактин) началось формирование региональной сети научно-практических учреждений Наркомата здравоохранения РСФСР. Институт открывался Дальневосточным отделом здравоохранения после введения в действие на территории Дальнего Востока декрета СНК РСФСР «О санитарных органах республики» и должен был заниматься изучением причин возникновения среди населения опасных инфекционных и паразитарных заболеваний и вести борьбу с ними [22, с. 78].

Организацией собственных исследовательских отделов и опытных учреждений занимались и некоторые краевые хозяйственные управления и ведомства, нуждавшиеся в научном обосновании своей деятельности. Наиболее активную работу в этом направлении проводили Дальневосточное управление рыболовства (выступило организатором Дальневосточного научно-рыбопромышленного бюро (Дальнаурыббюро) и Тихоокеанской научно-промышленной станции – ТОНС); Дальневосточное переселенческое управление (имело 4 изыскательские партии численностью 90 человек; гидрометрические станции и водомерные посты, расположенные в бассейнах крупных рек; сеть опытных агрометеорологических и мелиоративных станций); Дальневосточный рисопромышленный трест (создал опытно-мелиоративный участок вблизи г. Спасска (350 га) для отработки агротехники выращивания риса) и ряд других организаций (Амурское водное управление, Акционерное Камчатское общество и др.). Инициативу в формировании новой сети научно-исследовательских учреждений проявила и местная научная общественность, благодаря усилиям которой появился, в частности, Исследовательский институт при ГДУ (1923 г.). В 1928 г. он был преобразован Далькрайисполкомом в самостоятельный Дальневосточный краевой научно-исследовательский институт (ДВК-НИИ), с функциями координирования всей научно-исследовательской работы, ведущейся на территории Дальневосточного края (ДВК) РСФСР [3].

В итоге, уже к концу 1920-х годов в регионе сложилась разнообразная по формам и направлениям деятельности сеть научных учреждений. По данным Дальневосточной краевой плановой комиссии, представленным в Бюро по изучению производительных сил Госплана РСФСР (апрель 1930 г.) в 1927/28 гг. ее составляли 38 учреждений, ведущих научно-исследовательскую работу как основную, так и «подсобную» (так в документе – Л. М.); в 1928/29 гг. – 47; в 1929/30 гг. – 50. Так же динамично увеличивалась численность штатных научных сотрудников: 371 чел. в 1927/28 гг., 476 – в 1928/29 гг. и 663 чел. к 1929/30 гг. [10, д. 719, л. 1]. Анализ справочника «Научные работники СССР (без Москвы и Ленинграда)», подготовленного комиссией по учету научных кадров Академии наук СССР, показывает, что в сравнении с общесоюзными показателями Дальневосточный край стоял далеко не на последнем месте. По количеству научных работников к 1928 г. он опережал более двадцати российских губерний, областей и автономных республик. В том числе из губерний – Владимирскую (27 чел.), Вятскую (101 чел.), Костромскую (40 чел.), Самарскую (99 чел.), Тверскую (59 чел.), Ярославскую (94 чел.); из автономных республик – Башкирскую (40 чел.) и Бурят-Монгольскую (12 чел.) [16, с. 727-743]. Многие дальневосточные учреждения еще находились в стадии становления, что не мешало им, вступая в хозяйственные отношения и используя заказы хозяйственных органов и промышленных предприятий, приступить к проведению прикладных научно-исследовательских работ. Их первые итоги были подведены в выводах комиссии, которая летом 1929 г. по заданию Дальневосточной рабоче-крестьянской инспекции обследовала работу 30-ти научных учреждений в крае. Комиссия признала, что «Дальний Восток развертывает громадную научную и исследовательскую работу... и не плетется в хвосте, а решительно и успешно шагает в ногу с последними достижениями науки» [15, с. 8]. Была отмечена успешная деятельность трех опытных сельскохозяйственных станций (СХОС), превратившихся (по оценке Далькрайисполкома), в «крупнейшие агрикультурные базы, достаточно хорошо оборудованные, где ведется большая научно-практическая работа крупными специалистами сельского хозяйства» [22, с. 97]. Их многолетние исследования и селекционная работа позволили вывести приспособленные к климатическим условиям Дальнего Востока районированные сорта яровой пшеницы («Амурская голоколоска»), овса («Победа» и «Золотой дождь»), ячменя, кукурузы, многолетних трав, признанных «ценным вкладом» в

экономику сельского хозяйства. Высокой оценки проверяющих за «практическую и научную значимость работ» в интересах рыбной промышленности Дальнего Востока заслужила деятельность Тихоокеанской научно-промысловой станции (ТОНС), преобразованной в 1928 г. в Тихоокеанский институт рыбного хозяйства (ТИРХ). Организованные ею экспедиции по исследованию ихтиофауны Амурского залива, залива Петра Великого, р. Амур и оз. Ханка (1925-1928 гг.) выявили возможность увеличения объема рыбодобычи за счет включения в промысловый лов ранее мало использовавшихся видов дальневосточных рыб (сельдь, приморская сардина), морских моллюсков и морских млекопитающих. Сотрудники ТОНС (Г. У. Линдберг, И. Ф. Правдин, Н. Г. Закс и др.) стали инициаторами искусственного рыборазведения тихоокеанских лососей (горбуша, кета) – уникальных промысловых рыб, являвшихся в тот период основными объектами промысла в дальневосточных водах, создав для сохранения их естественных запасов три рыбободных завода (на Амуре, Сахалине и на Камчатке). На базе химической лаборатории станции начали отработываться химико-технологические способы переработки добываемого рыбного сырья для получения полноценных пищевых, кормовых, технических, медицинских и других видов продуктов. Была обоснована возможность использования в промышленных масштабах некоторых видов водорослей Японского моря, что позволило на правительственном уровне поставить вопрос о строительстве на Дальнем Востоке завода по их промышленной переработке с целью получения йода, клеящих веществ и калийных солей [13]. Как другие примеры, в выводах комиссии была отмечена «широко поставленная работа» по изучению климата, проводимая 161-й метеорологической станцией под руководством Дальневосточной геофизической обсерватории, показавшая возможности сельскохозяйственного освоения северных и таежных зон Приамурья и Приморья; исследования в области гидрологии, позволившие организовать в 1928 г. необходимую для края службу предупреждения о наводнениях; работы Дальневосточного геологического комитета, доказавшие возможность развития в крае собственного металлургического и строительного производств. «Громадной» оценивалась научно-исследовательская работа Государственного Дальневосточного университета (с 1928 г. – ДВГУ) и тесно связанного с ним научными кадрами Дальневосточного краевого научно-исследовательского института. По состоянию на 1928/29 гг. в университете была сконцентрирована почти треть научных кадров региона (156 чел.); действовали четыре студенческих научных общества, Майхинское опытное лесничество и опытное хозяйство в долине р. Лянчихе, где велись исследовательские работы по вопросам лесной и агрономической науки. Формировались и развивались научные школы: математическая (Н. А. Агрономова); химическая (Б. П. Пентегова и Е. В. Любарского); электросварочного дела (В. П. Вологодина); инженерно-строительная (С. А. Данилова, М. Я. Чернышева); геоботаническая (В. М. Савича); лесоводческая (В. Ф. Овсянникова, Б. А. Ивашкевича, А. А. Строгого); горной механики (В. С. Пака). Для отражения результатов исследований с 1925 г. типографией университета издавались «Труды ГДУ» (15 серий), в которых уже за первые три года их существования было опубликовано 55 научных работ различной тематической направленности [4; 20]. О высоком уровне достижений дальневосточных ученых и их научных школ свидетельствуют факты их участия в международных научных форумах, оценки прессы. Так, в ноябре 1926 г. профессор ДВГУ Б. П. Пентегов и председатель Дальневосточного геологического комитета П. И. Полевой принимали участие в работе III Тихоокеанского научного конгресса (г. Токио), на котором выступили с докладом о работе научных организаций Дальнего Востока [11, д. 13, л. 9]. Широкое признание в научном мире имели, судя по отзывам печатных изданий, работы Дальневосточной геофизической обсерватории, директор которой, известный агрометеоролог профессор П. И. Колосков, в сентябре 1929 г. на научной сессии в Копенгагене был избран членом Международной Агрометеорологической комиссии, 3-им представителем от СССР [12]. Не только в стране, но и за рубежом была высоко оценена работа профессора-филолога А. П. Георгиевского «Русские на Дальнем Востоке», вышедшая в 1926-1928 гг. в «Трудах ГДУ». За свое фундаментальное исследование, содержащее данные о расселении русских на Дальнем Востоке, их творчестве и говорах, А. П. Георгиевский был награжден премией Центральной комиссии по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ) (г. Москва) в размере 225 рублей, а его работа получила благоприятные отзывы в ряде советских и зарубежных журналах [17].

Однако немногим из научных коллективов удалось сохранить стабильность работы, так как уже на рубеже 1920-х-1930-х гг. в связи с принятием ЦК ВКП(б) и СНК СССР и РСФСР серии решений о реорганизации научно-исследовательского дела в стране, на Дальнем Востоке, как и повсеместно, начался пересмотр существующей сети научно-исследовательских и научно-опытных учреждений. Реорганизация научной сети являлась частью партийно-государственных мероприятий, осуществляемых в рамках работы по совершенствованию научно-исследовательского дела в СССР. Необходимость ее проведения аргументировалась результатами проверки деятельности научно-исследовательских учреждений различных ведомств, проведенной в 1928-1929 гг. Наркоматом Рабоче-крестьянской инспекции и выявившей, с точки зрения проверяющих, ряд существенных организационных недостатков. Преодолеть их, по мнению руководства страны, предполагалось за счет строго централизованного планирования научных работ; объединения однородных по профилю деятельности учреждений в более крупные академии и ассоциации; развития отраслевой науки и ее максимального приближения к производству [18, с. 6-8, 50-52].

Политика «отраслирования» науки существенно изменила облик региональной научной сети и в целом достаточно противоречиво отразилась на состоянии научного потенциала Дальнего Востока. Ее следствием стало расформирование решениями Далькрайисполкома и Далькрайкома ВКП(б) в 1930-1931 гг. двух ведущих научных учреждений края: ДВГУ и ДВКНИИ, поскольку их многопрофильная деятельность не вписывалась в новую схему отраслевого управления наукой и высшей школой. В результате разделения ДВГУ на «отраслированные» вузы (педагогический, лесотехнический, сельскохозяйственный, технический) были

разрушены его научные школы, разбросаны научные кадры, которые, университет не смог собрать даже после своего нового восстановления (с 1 октября 1931 г.). Произошло постепенное свертывание деятельности научно-общественных организаций, обвиненных в «вялости коллективной работы», «организационно замкнутом» составе, приверженности «корпоративно-академическим традициям». Вместе с тем, в рамках курса на развитие отраслевой науки значительно выросла численность специализированных научно-исследовательских институтов. В частности, в соответствии с решениями Далькрайисполкома в 1931–1933 гг. в Хабаровске и Владивостоке были организованы научно-исследовательские институты лесного хозяйства и лесной промышленности (ДВНИЛИ); социалистической реконструкции сельского хозяйства; ветеринарный исследовательский институт; институт экономических исследований; геофизический институт; угольный исследовательский институт треста «Востокуголь»; Дальневосточный научно-исследовательский институт организации территории Государственного землеустроительного треста. По данным Дальневосточного краевого комитета ВКП(б) к концу первой пятилетки (1932-1933 гг.) общее количество научно-исследовательских институтов, включая филиалы центральных НИИ, в крае выросло с 4-х до 11-ти, а количество «отраслированных» вузов – до 14-ти (с общим числом студентов в 3 750 чел.) [8, д. 181, л. 251]. Важным событием в научной жизни региона явилось открытие в 1932 г. во Владивостоке Дальневосточного филиала АН СССР под председательством академика В. Л. Комарова, что способствовало превращению Дальнего Востока в один из новых российских академических центров [19, с. 168]. Но так как, принимая решения об открытии новых научных учреждений и вузов, органы власти всех уровней (от центральных до краевых) не учитывали возможности их финансового и кадрового обеспечения, многие учреждения изначально столкнулись с рядом проблем, о которых можно судить по содержанию многочисленных докладных записок, справок, материалов проверок, сохранившихся в региональных архивах. Практически во всех них отмечается недостаток (или полное отсутствие) зданий для размещения новых учреждений, нехватка кадров, описываются материально-бытовые трудности научных работников, приводившие к постоянному оттоку научных кадров за пределы края. В итоге, из-за недостаточности государственного финансирования, сложностей с формированием кадров, необеспеченностью площадями часть научных учреждений в силу нежизнеспособности была либо закрыта, либо реорганизована, а сама научная сеть имела тенденцию к постоянному колебанию в количественном отношении. В 1936 г., по сведениям Далькрайплана, ее составляли только 8 учреждений: Дальневосточный филиал АН СССР во Владивостоке (работал в составе геологического, геоботанического, зоологического секторов, химического института, горно-таежной станции, двух заповедников, издательского сектора, телесейсмической станции, двух гидробиологических лаборатории – морской и пресноводной); краевая лесная опытная станция (бывший исследовательский институт лесного хозяйства и лесной промышленности – ДВНИЛИ); государственный комплексный Сихотэ-Алиньский заповедник (образованный в 1930 г.); Дальневосточный геологический трест Наркомтяжпрома (бывший Дальгеолком) и четыре отраслевых НИИ, оставшихся из 11-ти исследовательских институтов, организованных на начальном этапе «отраслирования». Из 6 вузов, организованных в 1930-е гг. (Дальневосточный политехнический институт (ДВПИ), ДВГУ, медицинский институт в Хабаровске, Владивостокский и Благовещенский пединституты, Высшая коммунистическая сельскохозяйственная школа), «более или менее заметная», по оценке документа, научно-исследовательская работа проводилась только в трех: ДВПИ, ДВГУ (оба располагались во Владивостоке) и Хабаровском медицинском институте, начавшем работу в 1930 г. [10, д. 329, л. 15, 31]. К неблагоприятным факторам, которые не позволили раскрыть все возможности дальневосточной науки, следует отнести также репрессии 1930-х гг., вырвавшие из дальневосточного научного сообщества, по имеющимся приблизительным подсчетам, «около сотни научных сотрудников и преподавателей вузов» [2, с. 111]. Наиболее крупные потери региональная наука понесла в результате «расследования» сфабрикованных органами ОГПУ-НКВД дел «о контрреволюционной, шпионско-повстанческой и вредительской организации в Дальневосточном крае» (1933-1935 гг.); о «вредительстве» в Дальневосточном филиале АН СССР (1937 г.), приведшем к аресту 19 сотрудников филиала; об японских «шпионах» в ДВГУ (1937-1938 гг.), закончившегося «раскрытием» «банды» в составе 12-ти преподавателей восточного факультета ДВГУ, «руководимой» деканом факультета В. А. Войлошниковым. Завершением каждого дела являлся не только арест или высылка за пределы ДВК значительной части специалистов, но и свертывание тех научных направлений, которыми они занимались. Масштабы этой трагедии, нарушившей научно-производственный ритм многих коллективов, еще предстоит уточнению.

Тем не менее, несмотря на сложные условия работы, дальневосточная наука, благодаря профессионализму и энтузиазму представлявших ее ученых, продолжала развиваться. Приоритетное внимание в соответствии с партийно-государственными установками о превращении Дальнего Востока в «экспортно-индустриальный край» было уделено геологоразведочным работам. На их организацию по данным сектора науки Далькрайплана только за 4 года (1933-1936 гг.) было затрачено около 40 млн рублей, что составляло 26,2% от общих ассигнований (210 млн руб.) на все научно-исследовательские работы в крае, проведенные в рамках 2-ой пятилетки [10, д. 329, л. 48]. Результатом работ, проведенных сотрудниками Дальневосточного геологического комитета (с 1929 г. – Дальневосточное районное геологоразведочное управление) и геологического сектора ДВФАН (образован в 1935 г.), стало открытие и введение в промышленную разработку новых угольных месторождений на северном Сахалине (бухта Шмидта), на Камчатке, в Амурской области. Открытие Охтинского нефтеносного района на Сахалине дало толчок развитию ранее отсутствовавшей в крае нефтеперерабатывающей промышленности и строительству завода по переработке нефти в Хабаровске (1935 г.). В ряде районов края геологами было установлено наличие крупных месторождений золота, железных,

марганцевых и фосфоритовых руд; открыты три крупнейшие оловорудные месторождения, что позволило рассматривать Дальний Восток перспективным районом для развития вольфрамовой и оловорудной промышленности. В связи с превращением рыбной промышленности в одну из ведущих экспортных отраслей значительно расширил объемы своих работ Тихоокеанский институт рыбного хозяйства (ТИРХ). Благодаря его исследованиям, дальневосточные рыбаки смогли организовать новые виды промыслов: лов камбалы в заливе Петра Великого и трески у берегов Камчатки; добычу наиболее ценных в пищевом отношении беспозвоночных (камчатского краба, креветки, двусторчатых моллюсков); расширить районы промыслов сельди и сардины. Помимо традиционных видов работ (изучение гидрологии и гидробиологии дальневосточных морей и рек, составление сводок видового состава и географического размещения морских и пресноводных промысловых животных и растений, разработка рыбоохранных мероприятий) институт активно занимался изучением пищевой и технической ценности продуктов моря; разрабатывал технологии обработки рыбного сырья с полной утилизацией рыбных отходов; оказывал помощь рыбоконсервным заводам по промышленной переработке морских биоресурсов и внедрению новых пищевых продуктов, исследовал эффективность различных орудий лова [21].

Ощутимые практические результаты, улучшившие качество жизни дальневосточников, дали работы сельскохозяйственных опытных учреждений. Несмотря на то что в 1930-е гг. сеть опытно-сельскохозяйственных учреждений неоднократно подвергалась реорганизации, их сотрудники активно занимались разработкой и внедрением в практику новых агротехнических и гидротехнических мероприятий; разработкой мер по борьбе с сорной растительностью, болезнями и вредителями растений; отработкой способов механизации основных сельскохозяйственных процессов. В разные годы возглавляли эту работу Дальневосточный филиал Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук им. Ленина (ВАСХНИЛ) (1932-1934 гг.), научно-техническое управление Краевого земельного управления (1934 г.), Дальневосточный научно-исследовательский институт земледелия и животноводства (ДВНИИЗЖ – 1934-1937 гг.). Под их руководством сотрудниками опытных станций и полей были подобраны и выведены высокоурожайные сорта яровой пшеницы, озимой ржи, овса, обладавшие повышенной устойчивостью против болезней, вредителей, увлажнения и полегания. Были продолжены исследования по соевой тематике, результатом которых стало выведение на Амурской опытной станции ученым-селекционером В. А. Золотницким (учеником и последователем выдающегося ученого-генетика Н. И. Вавилова) первого отечественного сорта сои «Амурская желтая». Определелись районы надежного вызревания риса и свеклояния, что позволило приступить к организации первых рисосовхозов в Приморье (использовали районированные сорта риса, выведенные сотрудниками Дальневосточной рисовой станции А. Г. Воложениным, Г. И. Подойницыным, Б. А. Неуныловым и др.) и совхозов по промышленному производству и переработке сахарной свеклы. Была доказана целесообразность применения для развития дальневосточного садоводства и в качестве плодовоощного сырья для местной консервной промышленности многих дикорастущих дальневосточных растений (уссурийской груши, маньчжурской сливы, японской вишни, актинидии, амурского винограда и др.), выведены их столовые гибриды [23, с. 577, 596-597, 612, 617]. Создание Биологического института Дальневосточного филиала АН СССР (1932 г.) способствовало продолжению почвенных и геоботанических исследований, начатых в рамках расформированных ДВГУ и ДВКНИИ. Сотрудники института занимались научной инвентаризацией растительного и животного мира, имеющего хозяйственное значение, изучением особенностей почвенного и растительного покрова отдельных территорий, выявлению новых земель, пригодных для сельскохозяйственного использования и расширения кормовой базы животноводства. В связи с решениями ряда научных конференций (1933-1938 гг.) о развитии промышленной заготовки лекарственных и технических растений, шло изучение дубильных, волокнистых, лекарственных, витаминоносных, эфиромасличных, красильных, смолоносных и других полезных растений. Большой объем прикладных исследований (наряду с фундаментальными работами) по заявкам хозяйственных организаций осуществлялся в Химическом институте ДВФ АН. В сотрудничестве с сотрудниками химического факультета ДВГУ и химической лаборатории Дальневосточного политехнического института (ДВПИ) ученые-химики работали над проблемами извлечения йода из морских водорослей; изучением химико-энергетических качеств ископаемых углей и свойств местных железных руд и руд цветных металлов как топлива и сырья для химической и металлургической промышленности; занимались проблемами лесохимии (исследование химических свойств отдельных видов местной древесины); исследованием содержания золота в воде золотоносных рек и разработкой способа его извлечения; изучали состав сахалинской нефти. Большое практическое значение имела проводившаяся Химическим институтом по договору с трестом «Главсоль» работа по получению поваренной соли из морских и водных рассолов, что являлось для Дальнего Востока, завозившего соль для нужд рыбной промышленности из других районов, актуальной проблемой [14]. Изучение лесов, проводившееся в разное время коллективом Дальневосточного института лесного хозяйства и лесной промышленности (1930-1934 гг.), сотрудниками лесоинженерного факультета ДВПИ (1934-1937 гг.), дало возможность в три раза повысить изученность лесного фонда (с 25% в 1927/1928 г. до 78% к 1936 г.). Помимо учетных работ ученые-лесоводы занимались работами по организации рационального ведения лесного хозяйства, проблемами лесовосстановления кедра и ясени, наиболее ценных деревьев, являвшихся объектом массового уничтожения, разрабатывали способы рационализации заготовок, сплава и обработки леса.

Даже этот далеко не полный обзор научно-исследовательской работы, проделанной местными научными учреждениями, позволяет сделать вывод об их большом вкладе в освоение природных ресурсов и ускорение

социально-экономического развития Дальнего Востока. Несмотря на имеющиеся трудности, научные коллективы активно занимались актуальными для края региональными исследованиями: изучением и оценкой его природно-сырьевых ресурсов, определением их промышленных запасов, разработкой технологии добычи и переработки. Масштабы проводимых исследований свидетельствовали, что довоенный Дальний Восток имел большой шанс развиться в крупный региональный научный центр. Однако время, с которым совпало это стремление, не позволило оформиться и стабилизироваться многим научным направлениям и школам. Разрушительный удар по дальневосточной науке был нанесен перед самой войной закрытием в 1939 г. (по неустановленным до сих пор причинам) директивными решениями центральных партийных и советских органов наиболее крупных учреждений: Дальневосточного филиала АН СССР и Дальневосточного университета. Тем не менее, часть научных традиций и школ была сохранена и представлена в деятельности современных региональных научных учреждений. Однако противоречивая история развития дальневосточной науки позволяет увидеть, насколько важным условием для решения всяких научных задач является наличие оптимально структурированной системы организации исследовательской работы. Она должна быть одновременно и стабильной и гибкой, учитывать интересы не только государства, но и самого научного сообщества. Всякая попытка неподготовленных реорганизаций может затормозить научную работу, снизить ее качество, заставить научную интеллигенцию искать альтернативные способы самореализации, что, в конечном итоге, ведет к ослаблению экономических и социокультурных возможностей страны как на региональном, так и на государственном уровне.

Список литературы

1. **Алфавитно-предметный указатель вопросов, рассмотренных в заседаниях Дальневосточного революционного комитета за 1922-1925 гг. (с 15 ноября 1922 г. по 1 июля 1925 г.)**. Хабаровск, 1925. 296 с.
2. **Васильева Е. В.** Репрессированные ученые Дальнего Востока // Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 1920-1950-е годы: материалы I дальневосточ. науч.-практ. конф. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. С. 108-116.
3. **Гассовский Г. Н.** Дальневосточный краевой научно-исследовательский институт // Научные новости Дальнего Востока. 1928. № 1/2. С. 1-5.
4. **Георгиевский А. П.** Дальневосточный государственный университет // Там же. 1929. № 3. С. 1-6.
5. **Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)**. Ф. А-1565. Оп. 2.
6. **Там же**. Ф. А-2307. Оп. 1.
7. **Там же**. Оп. 2.
8. **Государственный архив Хабаровского края (ГАХК)**. Ф. П-2. Оп. 11.
9. **Там же**. Ф. 58. Оп. 1.
10. **Там же**. Ф. 353. Оп. 1.
11. **Там же**. Ф. 871. Оп. 2.
12. **Дальневосточные агрометеорологические исследования в международной оценке** // Научные новости Дальнего Востока. 1930. № 1. С. 31-32.
13. **Дерюгин К. М.** Организация Тихоокеанской станции Дальневосточного управления рыболовства и ее исследовательские задачи // Известия ТОНС. 1928. Т. 1. Вып. 1. С. 5-75.
14. **Краткий отчет о работе Дальневосточного филиала АН СССР за 1936 г.** Владивосток, 1937. 53 с.
15. **Мамаев П. Н.** Научно-исследовательская работа в Дальневосточном крае (по материалам обследования ДВК РКИ) // Научные новости Дальнего Востока. 1929. № 7/8. С. 3-8.
16. **Наука и научные работники СССР: справочник**. Ленинград, 1928. Ч. VI. Научные работники СССР (без Москвы и Ленинграда). 808 с.
17. **Научная хроника** // Научные новости Дальнего Востока. 1929. № 3. С. 24.
18. **Организация советской науки в 1926-1932 гг.: сборник докладов**. Л.: Наука, 1974. 408 с.
19. **Приморский край: краткий энциклопедический справочник**. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. 596 с.
20. **Профессора Дальневосточного государственного университета. История и современность. 1899-2008** / С. М. Дударенок, Э. В. Ермакова, Е. А. Поправко и др. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2009. 455 с.
21. **Тинро –75 лет (от ТОНС до ТИРНО-центра): сборник / научн. ред. В. П. Шунтов**. Владивосток: ТИПРО-центр, 2000. 377 с.
22. **Три года советского строительства в Дальневосточном крае: отчет Дальревкома за 1922-1925 гг.** / под ред. М. П. Копытина, П. Е. Терлецкого. Хабаровск, 1926. 251 с.
23. **Учреждения и деятели сельскохозяйственной науки Сибири и Дальнего Востока: биографо-библиографический справочник / сост. П. Л. Гончаров и др.** Новосибирск: СО РАСХН, 1997. 661 с.

RESEARCH WORK ORGANIZATION IN THE SOVIET FAR EAST IN THE 1920S-1930S

Lyudmila Sergeevna Malyavina, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of Political History
Far-Eastern State Classical University in Khabarovsk
Ligor6@mail.ru

The author considers the process of the formation of the network of regional scientific institutions of soviet Far East in the 1920s, traces the dynamics of its changes under the influence of the state policy of science "branching" (the 1930s), singles out the priority directions of research work and notes their interrelation with the tasks of the region economic development and scientific staff's contribution to their solution.

Key words and phrases: Far East; science; research work; scientific institutions; history.